

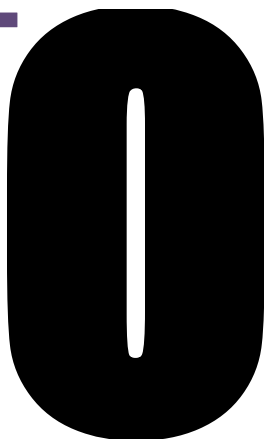

Локк считал, что собственность – это не только деньги и имущество человека, но и он сам, его тело, его жизнь, свобода и личность...

Рустем Вахитов (Уфа)

УСЛОВИЕ ДЕМОКРАТИИ

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ «РАБОТАЕТ» ТОЛЬКО НА ЗАПАДЕ

т сторонников современного украинского режима мы часто слышим утверждение, что Украина, дескать – «цивилизованное европейское демократическое государство», а Россия – государство авторитарное, вставшее было на путь демократии, но так и не смогшее по нему пойти дальше первых шагов. Первое преисполняет украинский «революционный демократ» гордостью за «нэнку Украину», а второе позволяет им презирать своего северного соседа и

возмущаться: как такое нецивилизованное государство еще смеет учить их жить?

В России на эти рассуждения украинских идеологов обычно отвечают в том духе, что они в своем националистическом ослеплении не замечают многочисленных нарушений демократических прав и свобод на современной Украине, а у нас, что ни говори, существует и парламент, и оппозиционные партии и внесистемная оппозиция в лице нескольких радиостанций, газет, телеканалов...

Легко заметить, что защитники России в этом споре априори соглашались со своими украинскими обличителями в том, что демократия западного типа – с парламентом, системой партий, гражданскими свободами есть абсолютное благо – вне зависимости от исторической эпохи, культуры народа и политической ситуации. И ставят себя в очень уязвимое положение, потому что если взглянуть на вещи объективно, то сразу становится ясно: политической свободы на Украине, действительно, больше. Зайдите в украинский интернет, посмотрите украинское телевидение и убедитесь сами: девяностые годы там не кончались и не случайно либеральный телесимвол девяностых – Евгений Киселев выиграл в качестве места жителя именно Украину.

2. Тезис о демократии – строе, где обеспечены политические свободы и граждане могут выбирать себе представителей-законодателей, как о панацее, решающей все политические проблемы – господствующий стереотип нашего времени. Сомневаться в нем – значит поставить себя вне правил европейской политкорректности и вообще вне «приличного политического общества».

Этот стереотип довлеет даже над руководителями сильнейших западных держав и заставляет их совершать действия, которые противоречат государственным интересам. Достаточно какой-нибудь ближневосточной террористической группировке объявить себя «борцами за демократию», как ей сразу же начинают поступать из-за океана и деньги, и установки залпового огня, а потом глядишь вчерашние «демократы», вооружившиеся на американские деньги, уже головы американцам режут (в подобную идеологическую ловушку попал в свое время и Советский Союз, который снабжал оружием, советниками и специалистами любое африканское людоедское племя, вождь которого удосужился объявить себя марксистом).

Между тем, это – именно стереотип. Если мы хоть на мгновение прекратим его повторять как мантру и посмотрим на вещи, как они есть на самом деле, то увидим, что демократия в целом ряде случаев может быть очень и очень вредна для государства и его жителей. Яркий тому пример – прокатившиеся совсем недавно по северной Африке и Ближнему Востоку «демократические революции», которые получили в СМИ название «арабской весны». Они на практике показали: установление демократической формы правления и утверждение политических свобод в этом регионе приводит к победе исламских экстремистов.

Демократия – это власть, выражающая мнения и интересы большинства лиц, имеющих политические права. А

большинство таковых на Ближнем Востоке и в Северной Африке – это не прозападные более или менее благополучные и образованные горожане, (которые начали эти революции) а нищие полуграмотные или вовсе безграмотные крестьяне, симпатизирующие исламистам. А в планы исламистов вовсе не входит существование там системы государств западного типа, их цель – гражданская война вплоть до установления халифата. Поскольку же эта перспектива очевидно, утопична, особенно, если учитывать, сколько противоречий среди самих исламистов, то это будет война до гибели ее последнего участника. Пока в данном регионе правили секулярные, «просвещенные военные диктатуры», в нем был мир и спокойствие, как только туда пришла демократия – началась эпоха войн и страданий.

Обратившись к постсоветскому пространству, мы тоже можем наблюдать ту же закономерность. Те постсоветские страны, которые всерьез стали строить демократию и допустили широкие политические свободы, получили череду переворотов, революций и гражданских войн; те, которые пошли по пути авторитарного правления и ограничились лишь декларативной демократизацией – сумели сохранить спокойствие, мир и относительный порядок.

Среди республик бывшей советской Средней Азии наиболее свободными были Таджикистан и Киргизия. В них существовала реальная, а не «ручная» политическая оппозиция, в них либо проходили относительно честные выборы в парламенты либо были митинговые механизмы противостояния фальсификациям на выборах. Для Таджикистана это окончилось гражданской войной 1992-1997 гг., в ходе которой погибли более 60 000 человек, беженцами стали более 250 000 человек, а экономике Таджикистана был нанесен непоправимый урон, так что страна до сих пор не может выйти из нищеты. В Киргизии, где у власти после распада СССР оказался Аскар Акаев – представитель не посткоммунистической элиты, как в других республиках Средней Азии, а демократически ориентированной интеллигенции, также режим оказался крайне неустойчивым. До полноценной гражданской войны, слава Богу, не дошло, но республике пришлось пережить несколько «революций».

Совершенно иная ситуация в Казахстане, Туркмени, Узбекистане, где хоть и нет гражданских свобод, «честных выборов» и реальной политической оппозиции, но зато и нет вооруженной исламистской оппозиции, кровавых войн и череды переворотов.

Постсоветская история России свидетельствует о том же: разгул либеральных свобод начала 90-х привел к такому ослаблению государства, что оно чуть не стало распадаться в результате «раскачивания лодки» кавказскими и поволжскими сепаратистами (даже в русских регионах Урала и в Сибири в начале 1990-х раздавались голоса о регионализации и отделении). Вторую половину 90-х на Кавказе бушевал огонь гражданской войны, ожоги которого чувствовала вся Россия, так как террористические акты происходили и в городах внутренней России вплоть до Москвы, и кроме того, все регионы посылали в зону конфликта своих милиционеров и военных. Только решительный поворот Путина стабилизировал ситуацию.

Что же касается «братских славянских республик», то и здесь мы видим схожую картину. Беларусь, пошедшая по пути «советизма без коммунизма» – островок относительного благополучия и безусловного мира и стабильности. Украина же с ее высоким уровнем гражданских свобод и демократии все глубже опускается в пучину гражданской войны.

3. Парадокс ситуации в том, что представительная либеральная демократия – это политическое устройство, которое было изобретено теоретиками либерализма в эпоху Просвещения (такими как Джон Локк или Жан-Жак Руссо) именно для предотвращения внутренних междоусобиц и установления гражданского мира. Если мы обратимся к программным трудам классиков западного либерализма, то увидим, что демократию они рисовали как

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

гражданское или цивилизованное состояние, которое идет на смену «естественному состоянию», где все воюют со всеми и каждый пользуется врожденной свободой делать, что ему вздумается.

И, строго говоря, это отражало историческую реальность: установление демократических режимов привело к утверждению некоего социального компромисса, прекращению классовых и сословных конфликтов, раздирающих европейские общества. Более того, именно наличие демократии позволило странам Европы и США преодолеть кризис конца XIX – начала XX вв., который был связан с опасностью низовых пролетарских революций. Западные пролетарии получили в конце концов полностью гражданских прав, стали членами европейских политических наций, обзавелись представительством в парламентах и подчинились законам, позабыв о мечтах о мировой революции.

Что же получается? *На Западе установление демократии, политических свобод, парламентских выборов привело к умиротворению общества, к гражданскому миру, но практически везде вне Запада установление парламентской демократии и политических свобод приводит к совершенно противоположному эффекту – к утере хрупкого мира, установленного за счет политики «просвещенного авторитаризма» и к внутренним – зачастую вооруженным и кровавым – конфликтам.*

Ничего удивительного в этом нет. Демократия – это политическая машина, которая была создана для определенных целей и может функционировать только в определенных условиях, в которых эти цели могут быть достигнуты. В других условиях, где достижение этой цели невозможно, само существование представительной либеральной демократии становится бессмысленным, а если все же, насилью реальность, ее попытаться установить, то это приведет к непредсказуемым и драматичным последствиям.

Какова же цель демократии и какие условия она предполагает для нормального функционирования? На этот вопрос также есть совершенно однозначный ответ в трудах классиков западного либерализма, собственно и ставших конструкторами политической машины представительной либеральной демократии.

Так, Джон Локк неоднократно и даже очень настойчиво повторяет в своих «Двух трактатах о правлении» одну мысль: главной целью «гражданского, политического общества» (то есть демократического цивилизованного общества), противостоящего незаконному «естественному состоянию», является *сохранение собственности всех членов этого общества*. Становясь гражданами, люди отказываются от своей естественной свободы, соглашаются починиться закону, довлеющему над всем обществом в равной мере, но зато приобретают возможность не опасаться за свою собственность. Наличие собственности у индивидов является по Локку главным условием их объединения в «гражданское общество» и именно поэтому самое большое преступление, которое могло бы совершить правовое демократическое государство – это покушение на собственность граждан. Локк пишет: «верховная власть не может лишить какого-либо человека какой-либо части его собственности без его согласия. Ибо сохранение собственности является целью правительства, и именно ради этого люди вступают в общество; и, таким образом, отсюда по необходимости предполагается и требуется, чтобы люди обладали собственностью, так как без этого следует предположить, что они, вступая в общество, теряют то, что являлось целью, ради которой они вступили в него; это слишком большая нелепость, вряд ли кто-либо с ней согласится».

Иначе говоря, *если бы у индивидов не было собственности, то никакое гражданское, демократическое общество с равенством всех перед законом и всеобщими выборами законодателей им бы и не понадобилось и там, где мы имеем не сообщество собственников, а сообщество людей, лишенных*

собственности, демократия либерального типа бессмысленна и невозможна. К этой мысли, которая является очень важной для нашего рассуждения, мы еще вернемся.

Для российских либералов, впрочем, это не секрет. Они с некоторых пор даже очень полюбили указывать на данное убеждение теоретиков европейского либерализма (а оно, конечно, встречается не только у Локка, но пронизывает учения всех соответствующих мыслителей Просвещения, так, вспомним, что согласно Руссо необходимость в демократическом государстве возникла лишь после того, как некто отгородил участок земли и провозгласил «это мое!», тем самым создав феномен частной собственности).

Небезызвестная Юлия Латынина даже сделала свои «коньком» идею превращения нашей страны в «цензовую демократию», где права голоса могли бы иметь лишь состоятельные налогоплательщики, как это было в классических демократиях Запада, до возникновения движения за всеобщее избирательное право. Но, к сожалению, по высказываниям наших либералов видно, что они просто не понимают Локка. Ведь с точки зрения философии Локка наш даже самый обеспеченный олигарх все равно не является собственником (социолог Симон Кордонский по этому поводу хорошо сказал, что наши «богатые» вовсе не имеют отношения к классу богатых в западном смысле слова), а западный нищий оборванец, у которого нет ни евроцента в кармане, собственником является.

Дело в том, что Локк употребляет слово «собственность» в непривычном для нас смысле (хотя для западного человека этот смысл является самоочевидным, что еще раз показывает, насколько различаются наши цивилизации). *Согласно Локку собственность является не только деньги и имущество человека, но и его он сам, его тело, способности и умения, сама его жизнь, свобода и личность.* «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто кроме него самого не имеет прав» - пишет Локк.

Отсюда британский философ выводит и возникновение имущественной частной собственности, ведь первоначально с его точки зрения ничто никому не принадлежало и вся земля и ее богатства находились в общей собственности всего человечества. Прикладывая к природным телам свой труд, например, засевая найденный участок земли, каждый отдельный человек получал право на этот участок и все, что он породит. Поскольку человек все равно мог взять земли лишь столько, сколько он в силах обработать, первоначально, в естественном состоянии не было раздоров. Развитие цивилизации и возникновение торговли, породило имущественное неравенство и имущественные споры, отсюда и возникла потребность в гражданском обществе и демократическом правовом государстве.

Всю эту благостную и очевидно антиисторическую картинку Локк рисует в 5 главе 2 книги «Двух трактатов о правлении». Впрочем, для нас сейчас важно лишь зафиксировать, что *согласно либеральному мировоззрению собственником является человек, который никому и ничему не служит, целью своей жизни считает лишь достижение своей собственной выгоды (а выгоды для других – ровно в той мере, в какой она совпадает с его собственной) и ни от кого не зависит, потому что не находится на содержании у государства или какой-либо другой инстанции, а обеспечивает себя либо своим трудом, либо за счет рыночных операций.* То есть собственник – это только лишь атомизированный человек, живущий в обществе рыночного типа, и чувствующий себя автономной, самодостаточной, свободной личностью, которая выстраивает отношения с другими на основе взаимовыгодных договоренностей. Собственник – рациональный эгоист и индивидуалист, гомо капиталистический.

Потенциально, согласно либеральному мировосприятию такими собственниками являются все, однако этот взгляд

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

на вещи разве что в 18 веке мог восприниматься всерьез, а теперь он, очевидно, крайне наивен. Общим местом современной философии культуры является утверждение, что этот рациональный эгоист, гомо капиталистический – порождение определенной исторической эпохи определенной западной цивилизации, до и вне этой эпохи и цивилизации он либо не существует вообще, либо представляет собой редкий, маргинальный, гонимый и презираемый тип. *Противостоит же ему иной тип – человек коллективистский, не воспринимающий себя как свободную, самоценную личность, а видящий в себе лишь часть социального целого – рода, общины, сословия, народа, церкви, государства. Своей целью жизни он считает служение этой социальной общности.* Это, кстати, не значит, что он лишен эгоизма.

Человек в любом обществе и в любую эпоху – нравственно несовершенное существо. Это значит лишь, что он и свои корыстные устремления реализует в рамках этих институций, и в конце концов признает приоритет их интересов по отношению к своим. Он и корысть свою будет преследовать через служение, только служа не государству, как требует закон, а, например, полукриминальному клану чиновников, сросшихся с преступным миром. Для культурологического анализа это не важно: и в том, и в другом случае он отказывается воспринимать себя, пользуясь словами Джона Локка, «как личность», на которую никто кроме него не имеет никаких прав», напротив, он считает естественным, что им может распоряжаться президент или вышестоящий начальник, или глава клана коррупционеров, и сам он точно также относится к другим.

Этот человек коллективистский – не принадлежность архаического и средневекового общества. Он существует под тонким слоем вестернизации и в современных неевропейских обществах, в том числе и в исламском мире и в странах постсоветского пространства. Именно это я и имел в виду, когда сказал, что наш олигарх не является собственником в западном смысле. Он – всего лишь часть клана, которому дали возможность распоряжаться определенным финансовым ресурсом. Он не заработал свое состояние в результате удачных рыночных операций. Он его именно *получил* в ходе приватизации 90-х, которая была на самом деле, как это признал даже советник Гайдара Джеффри Сакс, простым распределением бывшей «общенародной» собственности между кланами партийной и советской номенклатуры и сросшейся с ними криминальной элиты. Если он станет воспринимать этот ресурс как собственность, то его ждет суровое наказание, как показал пример Ходорковского или еще более свежий – Евтушенкова.

И именно поэтому даже если к власти в нашей стране придут эти олигархи, и лишат всех неимущих избирательных прав, то вопреки убеждению Латыниной, благодатной демократии европейского типа не получится. В Меланезии после второй мировой войны возник карго-культ. Туземцы строили из дерева и соломы точные копии аэродромов, радиовышек и даже самолетов, которые в годы войны там размещали американцы, думая, что таким образом достигнут такого же уровня благосостояния как и белые. Латынина и ее единомышленники – это наши «карго-либералы», они также думают, что достаточно скопировать систему имущественного ценза, привести к власти олигархов и будет все как в Великобритании и США эпохи классического капитализма.

Однако демократическое правовое государство имеет смысл только там где есть собственники в узком смысле слова, то есть гомо капиталистический. Там, где этих собственников, то есть гомокапиталистический, нет (пусть даже там и есть люди, распоряжающиеся большими суммами денег), демократия не приносит искомого социального мира. *Дело в том, что социальные общности, в которые входят на правах элементов, люди, видящие целью своей жизни служение, составляют иерархию.* Иерархию эту замыкает верховный правитель, который наделяет все нижестоящие социальные группы неравными объемами привилегий и обязанностей и ресурсами, необходимыми для жизни и общественно-полезной деятельности.

Социолог Симон Кордонский называет такие группы сословиями и такое общество сословным. Конечно, он употребляет это слово в специфическом смысле, а не в том, в каком его привыкли употреблять (например, «бюджетники» или правохранители в современном российском обществе с точки зрения Кордонского являются сословиями, хотя с точки зрения историка – специалиста по дореволюционным сословиям, они таковыми не являются). Но он прав в одном – такое общество, построенное на раздате верховной властью прав и ресурсов, является обязательно иерархическим, подобно любому сословному обществу прошлого. Для такого общества неравенство социальных групп наличие привилегированных групп является такой же нормой, как в обществе гражданском, буржуазном, рыночном, нормой является обязательное равенство всех граждан перед законом.

Тут мы и подошли к самому главному. *Самое страшное, что может случиться в демократическом обществе – это возникновение привилегированного меньшинства, которое не подчиняется тем законам, которым подчиняются остальные.* Если хотя бы один гражданин при демократии не будет подчиняться общему закону, демократический строй рухнет. Локк собственно, говорил об этом, только в несколько завуалированной форме и потому мало кто обращает внимание на это его пассаж. Я имею в виду то место работы Локка, где он пишет, что абсолютный правитель и «политическое состояние» несовместимы: абсолютный правитель не подчиняется закону, установленному обществом, то есть он остается в естественном состоянии и пользуется своей естественной свободой, а если хотя бы один член общества остался в естественном состоянии, то и все остальные возвращаются в него и перестают быть гражданами.

Я бы пояснил это при помощи метафоры: демократическое буржуазное общество подобно игре в шашки: здесь все должны начинаться одним и тем же правилами, если один игрок скажет, что сегодня он играет по своим правилам, а его соперник пусть придерживается вчерашних, обычных, то игра потеряет смысл. Обычно на это возражают, что в буржуазном обществе богатые всегда имеют больше прав, чем бедные: владельца корпорации труднее засудить, чем простого уборщика, даже если оба совершили схожие преступления.

Но здесь наличествует путаница: богатые здесь имеют не больше прав, а лишь больше возможностей (например, возможность нанять хорошего адвоката). Прав же у них ровно столько сколько и у бедных, и за этим тщательно следят: маниакальное стремление западных людей все сделать по закону, которое вызывает у нас россиян непонимание и насмешки, проистекает именно отсюда. Собственно, конфликт между буржуазией и аристократией на заре Нового времени и состоял в том, что буржуазия была недовольна тем, что аристократы имели привилегии, а значит и могли покушаться на собственность – жизнь, свободу и имущество буржуа, что идеологи либерализма выразили в мифологизированной форме в рассуждениях о первоначально естественном состоянии.

Разрешением конфликта стало установление строя демократии, при котором все граждане равны перед законом, независимо от их социального происхождения. Точно такое же средство – уравнивание в правах – помогает западному обществу снимать все новые возникающие и возникающие конфликты: сначала уравнили в правах богатых и бедных, затем женщин и мужчин затем – гомосексуалистов и людей традиционной сексуальной ориентации. Перед нами тенденция уничтожения легальных правовых привилегий какой бы то ни было социальной группы (так, при наличии имущественного ценза богатые получали наследственные права на гражданство, что превращало их в особое сословие) – и все ради гражданского мира.

Теперь обратимся к сословным обществам. Жизнь в них подобна игре в карты. Мало того, что карты в отличие от шашек сами по себе неравноценны: есть девятки, валеты, дамы, тузы, в них еще постоянно меняется козырь. Так же и в сословном обществе: существует иерархия сословий и

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

еще постоянно по воле случая, одно из них может возвыситься над другими, а затем утратить свою позицию. *Установление демократии в таком обществе означает провозглашение официального равенства всех перед законом. Но это столь же опасно в обществе, где есть сословные привилегии, сколь и необходимо в обществе, где таких привилегий не имеется и наличествует лишь имущественное неравенство. Объявление равноправия расценивается одними сословиями как покушение государства на их исконные и естественные права, а другими – как возможность воспользоваться ситуацией и повысить свой социальный статус.*

А поскольку в таком обществе как бы низко в социальной иерархии ни располагалось сословие, оно имеет положенные только ему привилегии, а как бы высоко ни располагалось другое сословие, над ним все равно есть еще одно или же сам абсолютный властитель, то возмущение становится всеобщим. Наличие же гражданских свобод позволяет этому возмущению из робких разговорчиков вполголоса на кухнях превратиться в мощные оппозиционные движения, выплескивающиеся на площади. Сначала они используют методы мирного протеста, а потом переходят к вооруженной борьбе. Так установление демократии в сословных клановых обществах раскалывает их и приводит к внутренней войне (строго говоря, ее нельзя назвать гражданской, потому что в таком обществе нет граждан, а есть подданные, но мы следуя укоренившемуся словоупотреблению, все же будем говорить о «гражданских войнах»).

Наконец, в таком обществе абсолютный властитель просто необходим. Будучи равноудаленным от всех кланов и сословий он выступает как третейский судья в споре между ними. Сами между собой они договориться не смогут, потому что каждая группировка считает, что она несправедливо обделена ресурсом и занимает место, гораздо ниже того, что ей полагается. И поэтому исчезновение такого третейского судьи, что неизбежно в условиях установления демократического правления, приводит к войне всех против всех.

«Гражданская война» в Таджикистане развивалась в точности по этому сценарию. Хотя считается, что там было противостояние между остатками советской элиты с одной стороны и оппозиционерами – демократами и исламистами с другой на самом деле, под прикрытием идеологических лозунгов, шла война кланов. Основных было три – Ленинабадский, Кулябский и Горно-Бадахшанский (Памирский). В советские времена ленинабадский клан захватил практически все должности в партийном руководстве и директорском корпусе, кулябский контролировал силовые структуры, а горно-бадахшанский (памирский) поставлял кадры «национальной интеллигенции». Роль третейского судьи выполняла Москва, которая назначала высших партийных руководителей, руководителей республиканского МВД и директоров стратегических предприятий, учитывая интересы кланов внутри республики (хотя уже тогда памирцы считали, что они ущемлены и среди них бытовали оппозиционные настроения).

Республики Средней Азии и не желали распада СССР, потому что их элиты понимали, что исчезновение третейского судьи приведет к конфликту, так оно и произошло. Собственно война в Таджикистане и началась со столкновение ленинабадцев и памирцев: в 1992 году председатель Верховного Совета Таджикистана ленинабадец Кенжаев попытался сместить министра внутренних дел памирца Навджуванова и заменить его представителем своего клана. Это вызвало протест памирцев, которые организовали массовые демонстрации. Кулябцы поддержали ленинабадцев и также организовали в Душанбе митинги из числа своих сторонников, что закончилось введением военного положения, вооружением оппозиции и столкновению между правительственными войсками и оппозицией. Причем со стороны властей были ленинабадцы и кулябцы, оппозицию составили представители памирского и других более мелких кланов.

Кстати, схожая ситуация на Украине. Бесчисленные разговоры о «европейском выборе Украины», украинском национальном государстве и украинском национализме, мешают осознать очевидное: Украина – не Европа, а скорее «Азиопа», по механизмам власти мало чем отличающаяся от России и даже Таджикистана. Искать истоки разразившегося в ней конфликта нужно не столько в интересах классов или нации (каковой как цельного гомогенного образования на Украине и не существует), а в противодействии от России (таких как «днепровский», «днепропетровский», «киевский») и сросшихся с ними финансово-экономических групп (группа Фирташа, группа Коломойского, группа Януковича и др.).

Немалую роль играет и «титультный этнос» - «западцы», которые с одной стороны должны воплощать образ «настоящего украинца» и поэтому им полагается ряд публичных должностей в госаппарате, с другой – выполняют роль пушечного мяса для «антитеррористической операции» (основную массу солдат для АТО составляет не богатый Киев, а нищая аграрная Галитчина).

На Востоке Украины при помощи военной машины, политическая украинская элита, которая представляет собой коалицию из представителей региональных кланов и финансово-экономических групп, пытается публично, показательно наказать донецкий клан. Его вина состоит в том, что его бывший руководитель Виктор Янукович пытался поставить свой клан выше всех остальных (примерно как ленинабадцы в Таджикистане начала 90-х).

Постоянные апелляции постмайданного Киева к Брюсселю и Вашингтону также показывают, что перед нами не полноценное и самодостаточное национальное государство, а клубок враждующих кланов, который ищет для себя нового третейского судью. А политические партии, движения, «свободная пресса», национальные батальоны - все это представители кланов и одновременно антураж, который должен продемонстрировать, что Украина – такое же европейское государство, как и страны ЕС, а не какой-нибудь имитационный режим вроде африканских или азиатских...

4. Вернусь к началу. Современные украинские демократы упрекают Россию в том, что она, сделав первые шаги по пути демократизации в 90-х, свернула с него, и вернулась в привычные для себя пейзажи авторитаризма. Современные российские идеологи с жаром опровергают это, вызывая приступы смеха у своих оппонентов, трудно ведь опровергнуть очевидное.

А почему бы не признать правоту украинских нацдемов, но правоту только в констатации самого факта, а не в его оценке. Потому что в действительности то обстоятельство, что Россия остановилась перед последним шагом «сказочную страну демократии», шагом, после которого она – я абсолютно уверен! – оказалась бы там, где находится сейчас «демократическая Украина» - с отколовшимися от нее регионами, вооруженными конфликтами на окраинах, разбитой армией, частными армиями олигархов, творящими беспредел и разграбленной экономикой свидетельствует совершенно об ином. А именно о том, что российская политическая элита – какой бы вороватой, жадной и глупой она ни была - в отличие от элиты украинской не лишена чувства политического реализма инстинкта самосохранения и интуитивно понимает опасность для нашей страны настоящей, а не декларативной или деформированной «суверенной» демократии. И это внушает определенные надежды. ▲

Статья выполнена в рамках проекта «Этносословия в национальных республиках России (на примере этносословия башкир в Республике Башкортостан)» при финансовой помощи фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (договор пожертвования №2014 007)